

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ И АРМЕНИЯ

Р. А. БАГДАСАРЯН

Русская литература XX в. дала целую плеяду выдающихся поэтов и переводчиков, в своем творчестве обратившихся к Армении, армянскому народу, его богатейшей и древней культуре. Имена Я. Полонского, Ю. Веселовского, В. Брюсова, С. Городецкого, Н. Тихонова, О. Мандельштама, А. Белого и многих других преданных друзей Армении навсегда вписаны в летопись армяно-русских литературных взаимосвязей.

Павел Григорьевич Антокольский (1896—1978 гг.) занимает достойное место в ряду представителей русской литературы, сделавших немало для духовного взаимообогащения народов России и Армении. Видный поэт, маститый переводчик, серьезный литератор, Павел Антокольский всей своей творческой жизнью, особенно в тридцатые годы, доказал приверженность высоким идеалам подлинной дружбы народов, в частности русского и армянского. Двадцатые годы поставили П. Антокольского в один ряд с другими видными поэтами, начинавшими свой творческий путь примерно тогда же—с Н. Тихоновым, Э. Багрицким, М. Светловым, И. Сельвинским. В литературу вступил талантливый мастер, «вооруженный всеми передовыми достижениями русской поэтической культуры начала двадцатого века, обладавший своей художественной темой, действительно успевший создать собственный стиль».¹

Как и многие русские поэты этого поколения — беспокойного, устремленного в будущее, ищущего и жадного до открытий, Павел Антокольский в поисках нового слова в поэзии, нового содержания обращается в своем творчестве на Восток.

В тридцатые годы П. Антокольский много ездит по стране. В его жизни и стихах встают незабываемые картины российского Севера, Украины, Кавказа... Наиболее притягательной для него, пожалуй, оказывается Армения—здесь он побывал в 1934, 1935, и 1939 годах. По свежим впечатлениям от поездок тех лет поэт создает книгу «Большие расстояния» (1936 г.), центральное место в которой занимают стихи об Армении и Грузии.²

Армения входит в его стихи естественно и органично. В книге П. Антокольского, посвященной Закавказью, нет, пожалуй, ни одного стихотворения, где поэт так или иначе не обращался бы к Времени. В горах Армении каждая лядь земли дышит историей: Антокольский отразил полученные впечатления и ощущения в «армянском цикле» («Палеонтология», «Камни», «Строители», «Древний город»).

¹ Лев Левин, Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского, М., 1978, с. 98.

² В последующем этот цикл стихов неизменно входил во все наиболее значительные издания произведений поэта. Рецензии на сборник стихов «Большие расстояния» см.: Литературная газета, 11. XI. 1936; Литературный Ленинград, 29. XII. 1936.

Стихи эти предельно насыщены содержанием, отточенным мастерством.

Истоки Армении поэт видит в доисторических временах («Палеонтология»).

Образ древней страны раскрывается в последующих стихах цикла:

Не высох, не выветрен камень еще,
Которому сноса и возраста нет.
И зной золотит виноград горячо.

И снегом на ребрах горы пресловутой
Потоп серебрится в осенних лучах.

И где только, где только ты не гостишь—
Ты, кротость кочевий и пастбищ овечьих,
Ты, песни людской домотканная тишь,
Ты, Библия в пятнах вина и увечьях!³

(«Камни»)

Постоянно вызывая в своем воображении историческое прошлое Армении, поэт с особенной остротой ощущает, как она преобразилась — перемены в жизни, быту, психологии очевидны:

Но встают племена твоих рослых сынов,
Твоих смуглых сынов, твоих первенцев, джан!

Выпрямляешь ты свой праарийский костяк,
Молодеешь всей статью своей черногровкой,
Всею кровью ашугув за тысячу лет.

(«Строители»)

Увиденное в Армении Павел Антокольский осмысливает в историческом плане («...на каждом участке строительном—след той же дикой твоей исторической дали...»). Не случайно в «армянском цикле» поэта «персонифицирован» строитель—Армения двадцатых-тридцатых годов—это гигантская стройка, которую не могли не отметить в своих произведениях все, кто приезжал тогда в молодую, возрождавшуюся из небытия после лихолетья геноцида 1915 года страну, в том числе и русские поэты и писатели.

Чувство истории органически связано в «армянском цикле», как нетрудно заметить хотя бы в стихотворении «Строители», с чувством современности. И эта связь всегда будет в дальнейшем сопутствовать П. Антокольскому. Главное в стихах об Армении—динамика, вдохновение, истинный подъем, непосредственное открытие народа, о котором он, безусловно, многое знал и до поездок на Кавказ (вспомним, что Антокольский был хорошо известен в актерском кругу и среди его друзей были московские армяне—Евгений Вахтангов, Рубен Симонов, Цецилия Мансурова и др.).

К «армянским стихам» П. Антокольского примыкает и вошедшее в «грузинский цикл» стихотворение «Подпольщик» — об известном

³ Павел Антокольский, Собр. соч., в четырех томах, т. 2, М., 1971, с. 387 (далее ссылки на стихи поэта приводятся по данному изданию).

Стихотворение «Камни» впервые опубликовано под названием «Армения» в «Литературной газете» (18. XII. 1934).

Камо, в котором облик героя накладывается на колоритные картины старого многонационального Тифлиса.

Поэзия П. Антокольского—о чем бы он ни писал—всегда отличалась «высоким напряжением» мыслей и чувств. Для того, чтобы понять. Время (а время было в пору поэтической юности и зрелости поэта самое что ни на есть насыщенное и напряженное), Антокольский обращается к прошлому, осмысливает настоящее, заглядывает в будущее, пытается охватить весь современный ему пестрый, разноплеменный мир. Свидетельство тому и «армянский цикл» стихов, пусть где-то скромный, недостаточно «развернутый», но оригинальный, дарящий читателю еще одну грань богатого творческого наследия поэта.

«Армянские стихотворения» Антокольского отличаются не только точностью описания взволновавших поэта событий и явлений, воспринятых впечатлений,—все это присуще и другим его «кавказским» произведениям—они привлекают обостренным ощущением истории, поэтическим восприятием реальности, дающей мощный толчок для глубоких исторических обобщений. Органическая связь прошлого с настоящим, а отсюда—и с будущим является той новой особенностью, которая проявляется в творчестве писателя именно после посещения Кавказа, в частности Армении.

Примечательны мысли П. Антокольского о творчестве, записанные им в дневник 22 марта 1965 г.: «До тех пор, пока художник (любой, в любом искусстве) не поймет и не решит окончательно, что он—волшебник и обязан быть волшебником, что в этом и должно состоять его умение, мастерство, искусство,—до тех пор он вообще не художник. Всеми доступными ему средствами—языком, ритмом, образами—он должен уметь *колдовать*, то есть очаровывать людей, брать их в плен, вести по своей воле куда угодно, быть «ловцом душ».⁴

П. Антокольский своим оригинальным, самобытным творчеством сумел поистине околдовать многих ценителей поэзии..

Вторая поэтическая жизнь Павла Антокольского—это участие в огромной работе по переводу на русский язык произведений национальных литератур, получившей большой размах после Первого всесоюзного съезда писателей (1934 г.).

Возвращаясь осенью того же года из Еревана, П. Антокольский вез с собой в Москву не только цикл стихов об Армении, но и переводы поэм Ованеса Туманяна и Егише Чаренца. Переводческая деятельность занимает особое и, по существу, основное место во взаимосвязях поэта с Арменией и армянской литературой. Антокольский не только занимается работой переводчика, но и выступает по общим вопросам теории и практики художественного перевода. (В этом плане весьма знаменателен его содоклад «Художественные переводы литератур народов СССР», сделанный им вместе с М. Ауэзовым и М. Рыльским на Втором всесоюзном съезде советских писателей в 1954 г., к которому мы обратимся ниже).

Павел Антокольский, касаясь своего первого знакомства с Кавказом, и в частности с Арменией, писал: «...во второй половине тридцатых годов я всерьез начал работать над переводами советских братских поэтов, узнал Грузию, Азербайджан, Армению. Работа сразу развернулась широко. Исторический и социальный кругозор для меня расширился. Распахнулась и временная пезапамятная даль: в

⁴ П. Антокольский, Из дневников 1964—1972 гг. (Вопросы литературы, 1986, № 12, с. 166).

преданьях нашего Закавказья, в судьбах великих народов, строивших свою самобытную культуру. Гоголь назвал когда-то Азию «паро- довержущим вулканом». Если Гоголь прав, то Закавказье—жерло, горловина этого вулкана. И вот в поэзии народов Закавказья, в их вековом эпосе, в раскопках грузинских и армянских археологов мы искали следы исторических трагедий, определивших судьбу народов на века».⁵

Павел Антокольский являлся большим пропагандистом армянской литературы—своими переводами из многовековой армянской поэзии, выступлениями, статьями и очерками об Армении и ее богатейшей культуре. Эта благородная деятельность была цепным вкладом в дело дальнейшего сближения русской и армянской литератур, деятелей культуры обоих народов. Касаясь своей переводческой работы, русский поэт утверждал, что она «органически связана» с его оригинальной поэзией и «впрямую ее продолжает».⁶ И это действительно так, ибо к своим переводам П. Антокольский относился с не меньшей взыскательностью, чем к собственным стихам. Он хорошо понимал, что художественные переводы являются одной из самых важных форм литературного общения, что они способствуют знакомству народов друг с другом, взаимно обогащают литературы, так как переводческая деятельность стимулирует развитие и собственного творчества. Еще В. Г. Белинский отмечал, что «на переводах произведений литературы одного народа на язык другого основывается знакомство народов между собою, взаимное распространение идей, и отсюда самое процветание литератур и умственное движение».⁷

В решении проблемы переводов, поднятой М. Горьким на Первом съезде писателей, П. Антокольский принял самое активное участие, будучи одним из основоположников советской переводческой школы (наряду с Н. Тихоновым и др.), одним из создателей новой эстетики художественного перевода. Вместе со своими собратьями—русскими поэтами старшего поколения—он плодотворно занимался практической переводческой деятельностью, принимал непосредственное участие в организационной работе по расширению масштабов переводческого дела в целом. (Заметим, что П. Антокольский—прекрасный переводчик, в частности, французской поэзии—признан «одним из корифеев поэтического перевода».)⁸

Большая и благодарная работа проделана П. Антокольским при подготовке к изданию в середине тридцатых годов новой, «послебрюсовской» Антологии армянской поэзии. Сборник, готовившийся долго и тщательно, должен был представить русскоязычному читателю вековую армянскую поэзию во всем многообразии. В антологию должны были войти лучшие образцы армянской поэзии с древнейших времен до наших дней в переводах известных поэтов и переводчиков. Книга должна была включить также вступительные статьи Максима Горького—«Письмо об антологии», Валерия Брюсова—«Очерк дореволюционной армянской поэзии», Павла Антокольского—«Поэзия Советской Армении», Николая Тихонова—«От редакции» и Карена Микаеляна—«Армянское стихосложение». Антология готовилась под общей редакцией М. Горького, редакция поэтических переводов была

⁵ П. Антокольский, О времени и о себе (Советские писатели. Автобиографии, в двух томах, т. I, М., 1959, с. 82).

⁶ Павел Антокольский, Собр. соч., т. I, М., 1971, с. 6.

⁷ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1959, с. 163.

⁸ Е. Эткинд, Поэзия и перевод. М.-Л., 1963, с. 181.

возложена на Н. Тихонова и П. Антокольского, комментарии и редакция подстрочников—на К. Микаеляна. Огромный объем работы, серьезность поставленных перед редакцией задач были очевидны: М. Горький «придавал первостепенное значение появлению этой книги в момент замечательного роста национальных литератур», а Н. Тихонов считал, что «до сих пор ни один народ Советского Союза такой антологии не имел».⁹

О том, как высоко ценили в Армении Антокольского-переводчика, свидетельствует тот факт, что именно он (наряду с Н. Тихоновым—другим признанным мэтром переводческого искусства тех лет) был предложен в качестве редактора столь ответственного издания с одобрения правительства Армении. Египше Чаренц в телеграмме К. Микаеляну от 10 мая 1936 г. подтверждал правильность выбора: «...Предлагается вариант Брюсов—Тихонов—Антокольский... Вопрос считается исчерпанным. Предлагается тебе конкретно осуществить предлагаемый вариант по возможности безотлагательно».¹⁰

Среди переводчиков новой антологии были, помимо известных по брюсовскому сборнику, Б. Пастернак, М. Светлов, Н. Тихонов, В. Луговской, А. Адалис, С. Шервинский, Вс. Рождественский и другие поэты. Кроме редакторских функций на П. Антокольском был «груз переводческий»... К сожалению, работа над сборником затянулась по ряду причин и в результате переработки «Антология армянской поэзии с древнейших времен до наших дней» вышла в свет в Москве лишь в 1940 году, под редакцией С. Арутюняна и В. Кирпотина. Издание явилось, конечно, большим событием в жизни армянского народа, да и всей страны, поскольку впервые в советское время представляло на русском языке могучую духовную культуру Армении.

В антологию вошли многие стихотворения в переводах П. Антокольского, что свидетельствовало о признании его успехов в этом многотрудном деле, несмотря на сложную судьбу сборника в целом. В переводах русского поэта прозвучали и средневековая лирика, и современная восточно- и западноармянская поэзия. Из Наапета Кучака были переведены айрены (четверостишия) «Я молод, ты молода...», «Глаза твой—океан...», «Я ласкал бы твой нежный лик...», которые занимают достойное место рядом с лучшими переводами В. Брюсова, В. Звягинцевой, Н. Гребнева, неизменно входят во все русские сборники армянской поэзии.

Павлу Антокольскому, впрочем как и В. Брюсову и последующим русским поэтам-переводчикам, трудно было полностью «овладеть» Кучаком. Но переводы Антокольского следует считать удачными, хотя в них и «несколько излишне подчеркнута традиционная восточная страсть и сладость любви».¹¹

Нельзя не согласиться с мнением, что «беда и непопулярность» многих переводов с армянского в том, что эти переводы, часто удовлетворяя требованиям «верности и точности», оказываются плохими стихами. Ошибка в том, что зачастую критика не рассматривает

⁹ Музей литературы и искусства Армении (далее—МЛИ), фонд Каренз Микаеляна, д. 508. Статья Н. Тихонова «От редакции». Опубликовано нами в «Вестнике общественных наук» АН АрмССР, 1987, № 4, с. 82—85.

¹⁰ МЛИ, ф. К. Микаеляна, д. 549.

¹¹ Левон Мкртчян, Армянская поэзия и русские поэты XIX—XX вв. Вопросы перевода и литературных связей, Ереван, 1968, с. 271.

перевод с точки зрения русского стиха и русского читателя, с точки зрения «художественности».¹² А именно с этих позиций переводы П. Антокольского весьма выигрышают.

Сам поэт отмечал в своем выступлении на Втором съезде писателей в 1954 г. что «обход или умолчание положительных качеств переводов лишает критику позитивных результатов... Долгие годы каждый высказывающийся по вопросам перевода вылавливал так называемые переводческие курьезы и тем тешил слушателей и читателей. Это было занимательно, весело, но и только. Между тем, если вылавливать только такие факты, то, очевидно, найдется множество смешного в переводах на все языки во все времена и даже иной раз в очень талантливых переводах. Но ведь не эти курьезы характеризуют суть и качество перевода в целом».¹³

К сожалению, армянская критика в лице некоторых литературоведов нередко злоупотребляла «умолчанием» положительных качеств русских переводов и «вылавливанием» переводческих курьезов, чем просто отводила ряд талантливых русских переводчиков от армянской поэзии, от Армении...

К счастью, Павел Антокольский не относился к числу «разочаровавшихся» от армянской литературы и продолжал работать. О разносторонности переводческой деятельности писателя над армянской поэзией свидетельствуют имена и творения мастеров художественного слова Армении. П. Антокольский перевел «Взятие Тмчаберда» Ол. Туманяна, поэму «Хмбает Шаварш» и стихотворения «Гимн художникам-миниатюристам», «Гимн нашим великим мастерам» Егише Чаренца, «Абул Ала Маари» Аветика Исаакяна, стихи Аксена Аюбяна («Черное золото», «В то утро», «Солнце и труд» и др.), «Люди» Дживани, «Свободу» М. Налбандяна, «Колокола» Рубена Севака, целый ряд сочинений Навры Заряна, в том числе такое крупное, как «Возрождение» («Армения»). Перу русского поэта принадлежат также переводы ряда стихотворений Азата Вштуни, Гегаме Саряна («Гюльханда»), Загаршака Норенца («Озеро Севан»), Рачия Ованесяна («Вечер воспоминаний», «Образ нашего поколения»). Он работал и над переводами таких произведений, как «Проклятие Адама» Рубена Ворберляна, «Раздан» Ваана Текеяна, «Трубадуры» и «Красные флаги» Рубена Севака, «Наши предки» Ав. Исаакяна, «Сон жизни» Д. Демирчяна и др. Видно, эти стихи показались не совсем удачно переведенными самому Антокольскому или армянским поэтам — некоторые, судя по изданным книгам, известны в других переводах.

Остановимся на нескольких переводческих работах русского поэта, иллюстрирующих его способность раскрывать художественную ценность произведений самых различных писателей, отличающихся друг от друга эпохой, мировоззрением, мерой таланта, особенностями творческой манеры, поэтическим темпераментом.

Много умения понадобилось П. Антокольскому, чтобы передать ритмику и рифмы ашугской поэзии Дживани, отличающейся своей звукописью, напевностью и содержанием, отражающим социально-политические мотивы, воспевающим народную силу. Поэзия Дживани

¹² Там же, с. 278.

¹³ П. Антокольский, М. Ауэзов, М. Рыльский. Художественные переводы литератур народов СССР. Сводный доклад на Втором Всесоюзном съезде советских писателей 1954 г. (Литературная газета. 4. XII. 1954).

имела общелитературное и общенародное значение: он, вслед за Саят-Новой, был самым популярным ашугом Армении.

Вот как перевел русский поэт стихотворение «Люди»:

Славнее тварей всех земных, — кто выше нас, людей?
Но сотни тысяч раз, увы! — как низок нрав людей!
Ни бодрости, ни верных дружб, ни дней веселых нет.
Как разгадать причину бед, откуда грусть людей?

От них самих такая боль, и муки, и тоска.
Изнашивает их юдоль, и жизнь их коротка.
Умы людские — черных туч бездомные пути.
Они не знают, что творят, куда, зачем идти.

Хозяева зверей и птиц, ремесел господ,
Властители воей и сеч, — крепка людская власть.
Навек закреплена их связь, порука их тверда,
Не распадется никогда, да и не в силах пасть.

Очевидно, что русскому поэту удалось передать как социальную сущность произведения, так и особенности стихосложения Дживани.

Выразительны переводы П. Антокольского из Е. Чаренца. Резкими и мощными мазками лепит он, например, образ хмбапета Шаварша в одноименной поэме, но «утруждает» себя, впрочем, буквалистским следованием оригиналу, а будучи более озабоченным созданием меткого, верного образа.

Перевод не вполне адекватен, однако большая и стилистически сложная поэма Чаренца предстала перед русским читателем в целом достаточно выразительно. Дух произведения сохранен. Несмотря на определенную, не лишенную оснований критику современников, перевод до настоящего времени тем не менее находит место во всех русских изданиях сочинений армянского поэта.

Рассматривая переводческие работы П. Антокольского, мы пришли к заключению: поэт испытывает явное тяготение к большим эпическим, масштабным произведениям, ощущает вкус к вещам, требующим значительной затраты духовных и физических сил при работе над ними, т. е. он не идет по пути «малого» или «наименьшего сопротивления» материалу, а, наоборот, словно ищет для себя самых трудных и серьезных испытаний, требующих где-то творческого азарта. (Не потому ли и критических стрел выпало на его долю больше?). В самом деле, в его «послужном списке» — «Абул Ала Марри», «Хмбает Шаварш», «Взятие Тмкаберда», крупное полотно Наири Заряна «Армения». Ноша нелегкая...

Гений Ованеса Туманяна затронул душевные струны русского поэта — он берется за перевод известной и любимой в народе поэмы «Взятие Тмкаберда» (хотя мог бы при желании ограничиться менее «трудоемкими», «малыми» формами творчества патриарха армянской поэзии). Этот романтический и героический сказ о любви и чести, о коварстве и предательстве достаточно ярко, образно предстал русскому читателю благодаря мастерству и таланту переводчика — Павла Антокольского.

Мы с юности помним о песне твоей,
Не раз ты пел Фирдуси-соловей:
Герой, безупречный в отваге своей,
Не молись на жену,
Не вверяйся вину!

Ты светел, как солнечный ясный зенит.
 Ты горд и незыблем, как горный гранит,
 Кто наземь повергнет и в прах превратит?
 Не молись на жену,
 Не вверься вину!

Расхождения очевидны — в образной структуре приводимых строф и особенно в знаменитом рефрене «*Что могло победить в жизни героя Если б не было Женщин и вина!*» (подстрочник). Литературоведы довольно сдержанно отнеслись к этому переводу: Л. Мкртчян скупко констатирует, что П. Антокольского в переводе поэмы «постигла неудача», а К. Григорьян, анализируя «Взятие Тмкаберда», отмечает, что вышеприведенная мысль «в идейно-художественной концепции поэмы занимает особо важное место и к ней переводчику следовало отнестись исключительно бережно», видит «грубые искажения» поэтической мысли Туманяна.¹⁴

О том, что переводчик в адекватном раскрытии этой ключевой мысли не достиг лаконичности звучания подлинника, спорить не приходится, но говорить о полной несостоятельности всего перевода поэмы, видимо, не совсем справедливо, и оценка К. Григорьяна чересчур категорична.

Очевидно, что огромная разница между армянским и русским стихосложением и структурой языка вообще не позволяет иметь совершенно адекватный высокохудожественный образец переводной поэзии (афоризм «перевод—изнанка ковра: узоры блекнут» известен издавна и вряд ли будет когда-либо изжит!). Тем не менее лучшие переводчики России,—а П. Антокольский, несомненно, один из них— всегда старались работать над тем, чтобы в полной мере передать и яркость красок, и оттенки цветов ковра, именуемого «переводом»...

Поэт брался, как уже говорилось, за довольно сложные, многоплановые и объемные произведения, которые могли «охладить пыл» у менее искушенных переводчиков, а тем более поэтов. К счастью для армянской литературы, П. Антокольский был прекрасным поэтом маститым переводчиком. Его привлекло целое созвездие — Ованес Туманян, Аветик Исаакян, Егише Чаренц—таких разных и таких «армянских» до мозга костей поэтов! Армянское литературоведение весьма неоднозначно оценило именно эти переводческие работы поэта Антокольского: от сдержанно-положительной и иногда довольно нейтральной оценки (в частности, «Абул Ала Маари») Л. Мкртчяна до резко критической и даже отрицательной—К. Григорьяна.¹⁵ Между тем В. Звягинцева, которую высоко ценили в Армении и литературоведы, и мастера художественного слова, считала, в частности, перевод Антокольского «Абул Ала Маари» превосходным. Она заступалась за переводчика и писала в ноябре 1960 года Л. Мкртчяну: «Не говорю уже о беспрецедентном охаивании переводов Антокольского—одного из самых блестящих поэтов и переводчиков! Его просили, вернее, *упросили* перевести «Абул Ала Маари», потому что перевод

¹⁴ К. Н. Григорьян, В. Я. Брюсов и проблема поэтического перевода (В сб.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 326).

¹⁵ Левон Мкртчян, Армянская поэзия и русские поэты... с: 127—129, 271—272 и др., К. Н. Григорьян, В. Я. Брюсов и армянская поэзия, М., 1962, с. 97—101; его же, Егише Чаренц в русских переводах (Литературная Армения, 1962, № 6, с. 55—64.; его же, В. Я. Брюсов и проблема поэтического перевода (В сб.: Брюсовские чтения 1963 года, Ереван, 1964, с. 325—326).

Брюсова (при всем нашем безграничном уважении к его деятельности) тяжел для русской поэзии».¹⁶ И вновь убеждала армянского литературоведа, считавшего, что из двух переводов исаакяновского шедевра лучшим является брюсовский, в обратном («Вам же... я хочу попробовать доказать, что перевод Антокольского лучше брюсовского».¹⁷

Говоря о переводе «Абул Ала Маари», отметим, что он был встречен весьма скептически и самим Варпетом. Внук великого армянского поэта—литатуровед Авик Исаакян—в связи с этой работой пишет: «П. Антокольский, конечно, проделал большую, трудоемкую работу. Стремясь по-новому прочесть поэму, он пытается максимально отойти от перевода Брюсова, даже изменил форму касиды, столь мастерски приращенной Брюсовым для передачи ритма каравана. Но в целом перевод ему не удался. Поэма как бы распалась по частям, в ней не оказалось того мощного стержня, который свел бы воедино всю сложную конструкцию произведения. Была утрачена яркая образность, необыкновенная мелодичность подлинника. Исаакян был раздосадован тем, что перевод Брюсова заменен (в двухтомнике «Избранные произведения», М., 1956.—Р. Б.): по его мнению, этого делать не следовало, так как брюсовский перевод он считал классическим образцом, когда произведение на другом языке начинает жить как бы своей, самостоятельной жизнью».¹⁸

Разумеется, мнение самого автора, корифея армянской поэзии, о качестве перевода собственного произведения—веский аргумент. Но нельзя не сказать, что не все равноценно оригиналу и «ровно» по мастерству и в брюсовском переводе «Абул Ала Маари». Литатуровед Е. Алексянян, подметив это и не оспаривая в целом «поражение» Антокольского в переводе поэмы («неоправданная стилизация образов», «искажение образной структуры», «неоправданные творческие вольности», «пренебрежение к ритмико-интонационной структуре», «нарушение художественного строя» и т. д.), тем не менее констатирует «плодотворные моменты» его переводческой работы: «в ряде случаев радуется творческая смелость переводчика, его умение подчас современно и свежо донести художественную мысль оригинала... Когда П. Антокольский предельно внимателен и чуток к дыханию и нерву стиха Ав. Исаакяна, его образы органичны, выверены на художественную точность, свежи, полновесны».¹⁹

Исходя из имеющихся переводов из поэзии Туманяна, Чаренца, Исаакяна и других, стоило бы, видимо, вкратце осветить здесь некоторые переводческие принципы П. Антокольского, которые прольют свет на его «кухню» работы над армянской поэзией, как-то объяснят и «оправдают» его «неудачи» или, наоборот, успехи на столь грудной стезе.

«В искусстве перевода необходим элемент интерпретации,—писал русский поэт чешскому литератору Милославу Влчеку в 1955 году,—то есть элемент творческий, личный, резко отличающий одну «репродукцию» от другой. Художественная верность перевода не адекватна

¹⁶ Левон Мкртчян. Поэт Армении (В сб.: Душа, открытая людям. Воспоминания, статьи, очерки о Вере Звягинцевой, Ереван, 1981, с. 27).

¹⁷ Там же, с. 28.

¹⁸ Авик Исаакян, Аветик Исаакян и Россия, М., 1988, с. 138.

¹⁹ Е. А. Алексянян, В. Брюсов и П. Антокольский—переводчики поэмы Ав. Исаакяна «Абул Ала Маари» (В сб.: Брюсовские чтения 1966 года, Ереван, 1968, с. 338—358).

его точности. Наоборот, сплошь и рядом верность вступает в конфликт с точностью. При всех определениях основной акцент следует сделать на том, что перевод является *искусством*, особым и очень высоким жанром художественной литературы... Из того обстоятельства, что «искусство перевода является одним из жанров литературного творчества», конечно, не следует делать вывод, что перевод тоже оригинальное творчество. Правильным будет вывод другой, совершенно достаточный: искусство перевода стоит в том же ряду, что оригинальные жанры». ²⁰

Павел Антокольский подчеркивает, что при переводе художественного произведения выбор выразительных средств очень труден: различия в развитии литературных форм у разных народов, различия в индивидуальном развитии автора и переводчика и т. д. — все это делает мастерство переводчика столь высоким искусством. Резюмируя, русский поэт утверждает, что «решающими факторами являются талант, добросовестность, общая культура и, наконец, такт переводчика». ²¹

Все эти критерии, несмотря на имеющиеся определенные неудачи, лежат в основе творческой работы П. Антокольского над переводами армянской поэзии, которую русский поэт понимал, любил и ценил.

Наконец, в связи с оценками некоторых армянских литературоведов различных переводов тех или иных произведений из поэзии Армении (в данном контексте — Брюсова и Антокольского), хотелось бы остановиться на взглядах видного теоретика литературы Ефима Эткинда. «Можно ли дивиться тому, — писал он, — что два поэта, так по-разному видящие и переживающие материю и движение, так же по-разному передают мир, созданный искусством иноязычного поэта?». ²²

Анализ некоторых переводов П. Антокольского из армянской поэзии приводит к убеждению, что сделаны они (независимо от степени идентичности оригиналу) на отличном русском языке — поэт, прекрасно понимая, что основным орудием переводчика является его родной язык, полностью использовал богатейшие возможности русского слова, не забывая, разумеется, о национальной специфике первоисточника.

Антокольский, выражая на писательском съезде свои взгляды на переводческое искусство, говорил, что переводчику невозможно всецело подчинить себя личности переводимого автора: «Это невозможно, и тем более невозможно, чем талантливее переводчик. Долг переводчика проникнуться мироощущением, манерой, стилистическим характером автора и, по мере сил, передать это мироощущение, эту манеру, этот стиль средствами родного языка, оставаясь самим собой. Какое же творчество возможно без сохранения индивидуальности?». ²³ Антокольский считал, что дарование переводчика сродни способности артистического перевоплощения, когда налицо особая отзывчивость на творчество другого человека, особое умение творчески воплотить в себе чужую манеру, пережить и передать ее в своих переводах. Именно

²⁰ Мастерство перевода. Сб. статей, М., 1959, с. 439, 442.

²¹ Там же, с. 447.

²² Е. Эткинд, указ. соч., с. 100.

²³ П. Антокольский и др., Художественные переводы литератур народов СССР. (Литературная газета, 4. XII. 1954).

при наличии такого умения и такой способности, по мнению Антокольского, переводчик является полноценным творцом и художником слова.

Таковы основные переводческие принципы П. Антокольского, которых он всегда придерживался.

Русский поэт в 30-е годы с увлечением продолжал переводить армянскую поэзию (отметим его работу над «Давидом Сасунским»), и это воздавалось ему сторицей. Его по-прежнему высоко ценили в Армении, и многие армянские поэты считали за честь быть переведенными именем Павлом Антокольским. Так, в письмах 1935—1936 годов литератору Карену Микаеляну Ваграм Алазан отмечает, что он «очень высокого мнения» об Антокольском, считает русского поэта «самым лучшим переводчиком» и просит передать «обязательно Антокольскому» его стихи для перевода.²⁴ Настоятельные просьбы к К. Микаеляну переслать стихи для перевода именно П. Антокольскому или включить его работы в их издающиеся сборники стихов содержатся также в письмах Вагаршака Норенца, Наири Заряна, Гегама Саряна, написанных в этот период.²⁵ Авторитет П. Антокольского был высок и среди других поэтов Армении.

Павел Антокольский, тесно связанный с армянской поэзией в тридцатые годы, активно участвовал в литературной жизни Армении и в последующее время. В своих статьях, очерках, выступлениях на поэтических вечерах в Москве, Ленинграде и Ереване, он неизменно подчеркивает свое отношение к Армении, армянскому народу, к деятелям литературы и искусства полюбившейся страны.

Павел Антокольский—автор замечательных очерков о выдающихся поэтах Армении, своих современниках—Аветике Исаакяне, Егише Чаренце, Наири Заряне, Гегаме Саряне и др. Вот каким предстает, например, русскому поэту Варпет: «Резко вылепленное, острое лицо... настоящий мудрый поэт, многое перевидевший на своем веку, много хорошего сделавший для своего родного народа... он добрый гений всей армянской культуры. Что-то есть в Аветике Исаакяне устойчивое, прочное... всегда пребывающее в одном, свойственном ему, возрасте души».²⁶

Портрет Егише Чаренца, которого русский поэт впервые увидел в Армении осенью 1935 года,—словно с палитры художника: «Ему еще не было сорока лет. Маленький, сухощавый и сухопарый, хорошо сложенный, он казался человеком без возраста... На лице его были горькие морщины, такие резкие и глубокие, как будто они еще прочерчены углем; большие черные глаза смотрели не мигая, умно и печально. Так что душевный творческий возраст все же обозначался, и он доминировал в общем впечатлении от поэта... Этот возраст говорил о сложном жизненном опыте, о том, что за плечами этого человека большая, недаром пройденная дорога, полная всего, что может выпасть на долю страстного и очень одаренного человека».²⁷ Разносторонняя поэтическая культура Чаренца определялась многим усвоенным им вполне самостоятельно и органически вошедшим в сплав его лирики.²⁸ Русский поэт гордится тем, что «помог его стихам прозвучать по-русски» и лишь жалеет, что «мало потрудился» для этого.

²⁴ МЛИ, фонд Карена Микаеляна, д. 224, 226, 227, 229.

²⁵ Там же, д. 276, 419, 468, 469.

²⁶ Слово об Аветике Исаакяне, Сб. статей. Сост. Л. Мкртчян, Ереван, 1975, с. 42—43.

²⁷ Павел Антокольский. Слава его имени (Венок Чаренцу. Друзья, товарищи, современники о поэте, М., 1967, с. 36).

²⁸ Там же, с. 37.

Спустя годы Павел Антокольский в связи с творческим вечером Веры Звягинцевой в Доме культуры Армении в Москве (1948) писал: «Когда в начале 30-х годов мне довелось впервые побывать в Ереване, я очень живо и остро ощутил это—да, именно здесь, в этом далеком путешествии может и должна начаться новая, неожиданно интересная, заранее интригующая глава в повести моей жизни. Так оно, пожалуй, и произошло... здесь сошлось многое: и впечатление от седой Армении, и двуглавый Арарат, который запросто кивал нам в окна гостиницы, и грандиозное строительство нового города, его театров и площадей, и прежде всего, конечно, люди. Люди сегодняшней Армении, их горящий темперамент, их высокая работоспособность, воля к труду, их патриотизм».²⁹

Взаимосвязь и взаимовлияние различных национальных культур на протяжении веков, независимо от существующего общественно-политического строя и идеологических установок, были, несомненно, одним из необходимейших и благотворных факторов прогресса. Особенно наглядно это проявлялось в творчестве тех художников слова, которые не понаслышке знали литературу, искусство, историю и культуру народов, к духовному и материальному наследию которых обращались в своем творчестве. К их числу относился и видный русский поэт и переводчик Павел Антокольский, посвятивший одну из замечательных и ярких страниц своего творчества Армении и армянскому народу.

ՊԱՎԵԼ ԱՆՏՈԿՈԼՍԿԻՆ ԵՎ ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ

Ռ. Ա. ԲԱԳԴԱՍԱՐՅԱՆ

Ա. մ փ ո փ ու մ

Իրու անվանի բանաստեղծ Պավել Անտոկոլսկին (1896—1978 թթ.) հայ ժողովրդի և հայ գրականության անկեղծ բարեկամներից մեկն է: Երեսնական թվականներին սա բազմիցս այցելել է Հայաստան (1934, 1935 և 1939 թթ.), գերվել է հին երկրի բնությանը, մշակույթով, պատմությամբ, մարդկանցով: Նրա գրչին են պատկանում Հայաստանին նվիրված մի շարք բանաստեղծություններ, բովանդակալից ակնարկներ: Պ. Անտոկոլսկին ծանոթանում է հայ անվանի բանաստեղծների ու գրողների հետ (Իսահակյան, Զարյան, Ալադան, Նորենց, Վշտունի), թարգմանչական մեծ աշխատանք է կատարում 30-ական թվականներին նախապատրաստվող «Հայ պոեզիայի անթոլոգիայի» համար: Պ. Անտոկոլսկու թարգմանությունների շնորհիվ ռուս ընթերցողը ծանոթացել է հայ պոեզիայի կարկառուն ներկայացուցիչների՝ Հովհ. Թումանյանի, Ա. Իսահակյանի, Ե. Զարենցի և այլոց ստեղծագործություններին («Թիկաբեռո՞ղ առումը», «Աբու-Լալա Մահարի», «Խմբապետ Շավարշ» և այլն):

Իր գրական-հասարակական բազմաբեղուն գործունեությամբ Պավել Անտոկոլսկին արժանի տեղ է գրավում հայ-ռուսական գրական կապերի պատմության մեջ, մնում է Հայաստանի և հայ ժողովրդի ջերմ բարեկամներից մեկը:

²⁹ Павел Антокольский, Благодарность за бескорыстие (В сб.: Душа, открытая людям, с. 231—232).